

Тренев Константин Андреевич

Любовь Яровая

Пьеса в 5 действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Андреевич Т.**
Любовь Яровая: Пьеса в 5 действиях / Тренев Константин Андреевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-519-77400-0

ISBN 978-5-519-77400-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Действие первое

Бывший богатый особняк, где помещаются ревком и другие учреждения. Жизнь бьет ключом. Коммутатор, телефоны. Телефонистка принимает телефонограмму.

Телефонистка (*подошла к телефону*). У аппарата! Товарища Хруща? Сейчас. (*Бежит вниз.*) Товарищ Хрущ! Товарищ Хрущ! Вас — пятая дивизия!

Хрущ (*у аппарата*). Да, да, да!.. Так. Добре! Зараз? Хорошо! Будет исполнено.

Входит Первая комсомолка из комнаты Кошкина.

Первая комсомолка. Товарищ Хрущ, срочная телефонограмма. Товарищ Кошкин велел вам и товарищу Мазухину сейчас же передать.

Хрущ (*читает телефонограмму*). А где Мазухин? Сестренка, кликни-ка товарища Мазухина!

Вторая комсомолка. Товарищ Мазухин! К товарищу Хрущу!

Входит Мазухин.

Мазухин. Что за экспресс?

Хрущ. А вот, почитай!

Мазухин читает. Звонок телефона.

Вторая комсомолка. У аппарата! Товарища Кошкина? Сейчас. *(Уходит в кабинет Кошкина.)*

Из кабинета выбегает комиссар Вихорь.

Мазухин. Да!

Хрущ. Товарищ Вихорь, почитай!..

Вихорь *(читает и старается скрыть радость)*. А-а! Да, да!

Мазухин. Понимаешь? Жегловский мост. Уже у белых.

Вихорь. Да... Неприятность!

Хрущ. Надо взрывать малые мосты.

Вихорь. Еду на место! *(Быстро уходит.)*

Хрущ и Мазухин, разговаривая, тоже уходят. Входит Вторая комсомолка.

Вторая комсомолка *(подшла к аппарату)*. Через пять минут сам позвонит.

Входят Панова и Швандя. Панова с бумагами в руках садится за пишущую машинку.

Панова. И вы, товарищ Швандя, там были?

Швандя. Необходимо был. Вот как я, так мы, красные, на берегу стояли, а как вы — обратно, французский крейсер с матросами. Все чисто видеть и слышать. Вот выходит один из них прямо на середку и починает крыть.

Звонок телефона.

Да... Починает обратно крыть: «Товарищи, говорит, подымайся, против буржуев и охвицерьев».

Звонок телефона.

Буде нам, говорит, за их...

Панова. Подойдите же к телефону.

Швандя (*берет трубку телефона*). Ну? Ревком... Так что? Ну, так! Убирайся обратно к чорту! У меня тут без вас неуправка — голова кругом идет, сморкнуться обратно некогда. У меня, может, доклад идет. Говорю, не отрывай пустяками от ударного дела... (*Вешает трубку, дает отбой.*) «Буде проливать, говорит, за их кровь...» Дале и пошел и пошел крыть...

Панова. По-французски?

Швандя. По-французски! Чисто.

Панова. Позвольте, товарищ Швандя! Ведь вы по-французски не понимаете?

Швандя. Что ж тут не понять? Буржуи кровь пили — это хоть кто поймет. Вот дале глядим — подъезжает на катере сам. Бородища — во! Волосья — тоже... Как зыкнет!

Панова. Это кто же — сам?

Швандя. Ну, Маркс, кто ж еще?

Панова. Ну, уж это, товарищ Швандя, вы слишком много видели.

Швандя. А то разве мало!

Панова. Маркс давно умер.

Швандя. Умер? Бросьте! Кто же, по-вашему, мировым пролетариатом командует?

Входит Грозной. Швандя уходит.

Грозной. Товарищ Панова, прошу переписать срочную бумагу.

Панова. В два счета?

Грозной. Ясно. Подчерк у меня слишком быстрый, так что собственноручно продиктую.

Панова. Ничего, я разберу. (*Берет у него бумагу, начинает ее переписывать.*)

Грозной жадно смотрит на нее.

Что же вы на меня смотрите? На мне ничего не написано.

Грозной. Вы сами — писаная красotka!

Панова. Ах, товарищ Грозный, вы вечно заставляете меня краснеть.

Грозной (*рисуюсь*). Каким родом?

Панова. Словами, конечно.

Грозной. А вы меня глазами — не то что в краску, может, в пот вгоняете.

Панова. Это страшно!

Грозной. Для вас я не страшный. А вот других гидров одними глазами в обморока вгоняю...

Панова. Неужели?

Грозной. Час тому обратно явился ко мне доктор: рост — под потолок, бородачи, очки... Так я на него только поглядел — вот так... Он — хлоп! И в дамки: побелел, затрусился.

Панова. Да. Это взгляд.

Грозной достает папиросу и угощает. Кожаное пальто распахнулось. Под пальто камергерские брюки, заправленные в сапоги.

Какой вы интересный в этом костюме...

Грозной. Подходяще?

Панова. Очень. Золотом расшит... Что же вы контрреволюционные штаны надели?

Грозной (*сконфуженно запахнулся*). Это я для смеху... Только вам показаться. А вот — позвольте ручку.

Панова. Зачем?

Грозной. Сами увидите. (*Вынимает из кармана браслет, кольца.*) Не вредные штучки?

Панова. Нет, нет, товарищ Грозной, этого не надо.

Грозной. Почему?

Панова. Да с какой стати?

Грозной. Да уж, значит, стоите дела того...

Панова. Что могут подумать?

Грозной. Пущай посмеют.

Панова. А товарищ комиссар увидит?

Грозной. Ну, вы браслетик под рукав, а часики на грудях...

Панова. Нет, товарищ Грозной, оставьте их при себе.

Грозной. Ну, хорошо. Но имейте в виду, что вы всегда можете их иметь, как пожелаете, я при себе буду носить. *(Прячет вещи в карман на груди.)*

Входит профессор Горностаев с женой.

Горностаев *(рассеян, движется порывисто)*. К кому я могу обратиться?

Панова. Вот товарищ Грозной.

Грозной. А тебе чего?

Горностаев. Вы? Да, да! Дело в том, что люди с винтовками запечатали мою библиотеку.

Горностаева. А комиссар Вихорь, сухорукий, что поселился в нашей квартире, забрал к себе всю обстановку, все заплевал, непристойно бранится, зарезал трех кур и куриной кровью везде написал: «Режь недорезанных буржуев»...

Грозной. Хо-хо-хо! Молодчага Вихорь! Придумал же! Ну и голова. Из курей революцию!

Горностаева. Я кур берегла...

Горностаев. Дело не в курах...

Грозной. Да ты кто такой?

Горностаев. Я — профессор Горностаев.

Грозной. Профессор кислых щей? Ха-ха-ха... Так что тебе нужно? Книжки твои мы в читальню заберем.

Горностаев. Вот этого и не следует делать.

Грозной. Ну, это ты нам не указуй! У тебя, небось, тысячи книг на одного. А народу, может, на тысячу человек одна книжка. Это порядок?

Горностаева. Но ведь ему работать нужно.

Грозной. А что он работает?

Горностаева. Пишет.

Грозной. «Работа»! Мы еще поглядим, что ты там пишешь, может, контрреволюцию агитируешь.

Горностаев. Да, да!

Грозной. Что да?

Горностаев. Я говорю, отчего у вас, мой друг, глаза испуганные?

Грозной. У меня? Испуганные?! Ну, я тебя зараз пугну! Швандя, забрать эту контру ко мне! *(Уходит.)*

Горностаева. Макс, Макс... да что же это?

Горностаев. А, видно, и за кур кому-нибудь пострадать надо.

Швандя *(подходит к Горностаеву)*. А ну, гребись! *(Всмотревшись, смущенно отходит.)* Никак нет... я упольне сознательный... *(Пановой.)* Дух сперло, до чего схож.

Панова. С кем схож?

Швандя. И портрет и фамилия в одно...

Входит Грозной.

Грозной. Швандя! Почему не доставил арестованного?

Швандя. А ну, откачнись! Тут такие дела, без Кошкина не достигнешь...

Входит Елисатов.

Елисатов. Здравствуйте, товарищи! Максим Иванович, Елена Ивановна! Какими судьбами?

Горностаева. А вот... кур порезали, библиотеку запечатали... Комиссар Вихорь.

Елисатов. Одну минуту. Товарищ Грозной, в чем дело?

Грозной. А контра! Да еще и выражается.

Елисатов. Это профессор Горностаев. Его Европа знает.

Грозной. Узнаем и мы. Да вот и сам пред идет.

Входит Кошкин.

Кошкин. Здравствуйте, товарищи! Товарищ Панова, пишите повестку сегодняшнего заседания. *(Диктует.)* «Об

учительском съезде и курсах, а именно: для перевыучки учителей. Об открытии в городе сети из сорока клубов. О поголовном выгнании на Зеленую горку всей буржуазии на рытье окопов. О поголовном всеобщем народном образовании. О выселении, вселении, переселении и уплотнении. Об электрификации в ударном порядке». Товарищ Елиса-тов, какие еще вопросы?

Елиса-тов. Полагаю, для одного заседания достаточно.

Кошкин. Ладно! И текущие дела. А именно — контр-революции.

Елиса-тов. Товарищ Роман! Вот профессор Горно-стаев к вам с просьбой.

Кошкин. Ну?

Горностаев. Да, да! Книги у меня отобраны.

Горностаева. Кур порезали.

Елиса-тов. Профессор Горностаев — краса и гордость русской науки.

Кошкин (*жмет руку Горностаеву*). Прошу, товарищ, садиться. Давно надо было видаться. (*Шванде.*) Немедленно вернуть товарищу профессору книги и (*Елиса-тову*) выдать мандат о неприкосновенности. Вы, профессор, нам необходимы по народному образованию. Как я, взявши на себя также временно и обязанности комиссара народного образования, но тут же начал списывать для всеобщего образования всех свой проект. (*Подает Горностаеву бумагу.*)

Горностаев (*взглянув на бумагу*). «О всеобщем фуксинировании... образования трудящихся...» Товарищ комиссар просвещения, вы неграмотны...

Кошкин. Как неграмотный, когда я сам написал? Только не вполне твердо. Вы знаете, что ученье — свет, а неученье — тьма?

Горностаев. Знаю, слышал.

Кошкин. Нет, товарищ профессор, вы не все знаете. Я знаю больше. Вы знаете только, что ученье — свет, это вам прямо видать, а что неученье — тьма, так это вы толь-

ко сбоку видали. А я сам спытал на своей шкуре. Вам свет в глаза светит, а мне тьма застилает. Так мне эта тьма лютей, чем вам, и я с ей на живот и смерть биться буду. А кто мне помогать не желает, а, напротив, саботирует, тот у меня в один счет и свет и тьму получит...

Горностаев. Да, да! В глазах пламя веры, а вот у тех, что были у меня, этого еще нет. Только с наганами к глазам лезут.

Кошкин. Без наганов, товарищ профессор, революции не сделаешь.

Елисатов. Верно!

Кошкин. Пожалуйста, товарищ Горностаев, ко мне через час с товарищем Елисатовым, который мне очень помогает. Будем дело делать. (Пановой.) Повестки! (Идет.)

Елисатов. Именно! Отдадим народу все силы, ибо прежде наука была белая рабыня капитала, теперь она — красный товарищ пролетариата. Не так ли, товарищ Горностаев?

Горностаев. А? Да, да...

Телефонистка. Товарищ Кошкин, к телефону! С фронта!

Кошкин уходит.

Елисатов. Мы ведь с вами, Максим Иванович, и раньше встречались. Помните, в Одессе?

Горностаев. Да, да, помню. Вы, кажется, дантист?

Елисатов. Нет! Что вы, я общественный деятель и журналист.

Горностаев. Да, да! Я именно и говорю, в этом роде что-то...

Елисатов и Горностаевы уходят. Проходит Чир.

Панова. Чир, доставьте пакет профессору Горностаеву.

Чир (берет пакет, читает). Весьма важное. (Бросил незаметно за печку.)

Панова. Чир, сегодня на кого еще донесли?

Ч и р. Исповем богу единому, судящему ныне богатых и нечестивых. Писано бо: «Во утрие избивах вся грешныя земли». (Ушел.)

Входит Е л и с а т о в.

Е л и с а т о в (Пановой). Сию минуту получены сведения. Наши по эту сторону Жегловского моста. Через два дня здесь.

П а н о в а. Голубчик... правда ли?

Е л и с а т о в. Точно... Сейчас паника начнется.

Входит Ш в а н д я с бумагой. Е л и с а т о в ушел.

Ш в а н д я. Переписать!

П а н о в а. Есть, товарищ Швандя! Какой вы интересный.

Ш в а н д я. Кто? Я?

П а н о в а. Да, да, прямо — амурчик!

Ш в а н д я. Почему так рассчитываете?

Входит Д у н ь к а.

Товарищ Дуня Фоминишна, мое почтение! Вот это, действительно, прямо сверхамурчик!

П а н о в а. Какое на вас чудесное платье!

Ш в а н д я. Да вы вся, как букетик или горшочек с цветами. А перчаточки...

Д у н ь к а. А ты руками не лапай!

Ш в а н д я. Я только пальчиком торкнул. На танции, Дуня Фоминишна, всем составом сунете?

Д у н ь к а. Это до вас не ответствует.

Ш в а н д я. Нет, это вы обратно, как мы тоже упольне сознательные.

Д у н ь к а. Я до товарища комиссара.

Ш в а н д я. Это — раз плюнуть! Вам об чем?

Д у н ь к а. Это до вас не ответствует — больше никаких. (Хочет войти в кабинет.)

Ш в а н д я. Нет, ответствует, и прошу обратно.

Входит К о ш к и н с бумагой.

Кошкин (Пановой). Напечатать!

Дунька. Товарищ Кошкин, я до вас!

Кошкин. В чем дело?

Дунька. Мне две комнаты нужно иметь, потому что я тоже с хорошими товарищами знакомство веду, а она мне одну бадуварную отдала, да и из той пружиновую сидушку утащила. Пушай зараз гостильную отдаст! У меня гостей вдесятеро больше бывает. Комиссар Вихорь завтра на кохвей придет. На что он сядет? На что?

Кошкин. Да вы, товарищ, кто?

Дунька. Конечно ж, прислуга!

Кошкин. Так вы должны войти в союз и защищать свои интересы сообща.

Дунька. Это мне без надобности. Я сама защитюсь.

Кошкин уходит в кабинет. Входит Марья.

Марья. Где тут они?

Швандя. Тебе, гражданочка, кого?

Марья. А родимец вас знает, кого, может, тебя. Чай, комиссар?

Швандя. Не, не упольне.

Марья. А рожка в самый раз. Третий день из деревни, а комиссара не вижу. Только и вижу вот эту чуму в краске. (Дуньке.) Ты что же в чужое, как болячка, нарядилась? Оно на тебя сшито? Ты его заработала?

Дунька. Значит, на меня. Теперь все народное.

Марья. Какое ж оно народное, когда под руками аж лопнуло? Самый зараз, кобыла!

Дунька. Отстань, тетка!

Марья. Сымай, говорю, тварь! Не погань одежду! (Срывает с нее кофточку.)

Дунька (отбиваясь). Да чего ты, контрреволюция, пристала?

Марья. Я тебе покажу, где революция.